

ПРОЦЕССЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В ИСТОРИИ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: ОБЩЕРОССИЙСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ И РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА

Д. В. Манкевич

Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Поступила в редакцию: 10.09.2021 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2022-3-8

© Манкевич Д. В., 2022

Цель статьи — выявить основные тенденции и особенности демографического развития в Калининградской области в исторической ретроспективе, оценить степень соответствия его регионального варианта ключевым положениям общероссийской модели, сложившейся в современной историографии. Эмпирическую базу исследования составил комплекс демографической статистики, представленный как опубликованными, так и архивными материалами, теоретической основой стали концепции демографического и эпидемиологического переходов. В качестве основных методов использовались анализ статистики и историографии, сравнительно-исторический метод. Ведущую роль в возникновении региональной специфики демографического развития сыграл миграционный фактор. Основу постоянного населения Калининградской области составили переселенцы из регионов СССР, еще в довоенный период глубоко вовлеченных в процессы демографической модернизации. Половозрастные характеристики переселенцев способствовали длительному протеканию в области послевоенной демографической компенсации, сохранению более высоких в сравнении со средними для РСФСР показателей рождаемости и брачности. Во второй половине 1950-х годов региональные показатели рождаемости сблизились со среднероссийскими, с конца 1970-х годов в области установился более низкий, чем в среднем по стране, уровень рождаемости. Общие коэффициенты смертности оставались значительно ниже среднероссийских вплоть до середины 1990-х годов. Главные направления трансформации региональной модели воспроизводства населения как в советский период, так и на рубеже XX—XXI веков в целом соответствовали общенациональным тенденциям, что позволяет признать предложенную отечественными исследователями концепцию демографического развития в России актуальной и для эксклавной Калининградской области.

Ключевые слова:

демографический переход, Калининградская область, эпидемиологический переход, рождаемость, смертность

Введение

За 75 лет истории Калининградской области население региона преодолело путь, определивший его современный облик. Основное содержание этого пути составили процессы развития, затронувшие сферу воспроизводства населения, связанные с ней структуры и типы социального поведения. Демографическое развитие сохраняет устойчивую привлекательность как объект научного исследования. Свя-

Для цитирования: Манкевич Д. В. Процессы демографического развития в истории Калининградской области: общероссийские тенденции и региональная специфика // Балтийский регион. 2022. Т. 14, № 3. С. 145—164. doi: 10.5922/2079-8555-2022-3-8.

занные с ним явления и тенденции изучаются (реконструируются) на глобальном, региональном и локальном уровнях, с привлечением методического арсенала целого комплекса социальных и гуманитарных наук, в том числе исторической.

В отечественной историографии и демографии повышенное внимание уделяется определению особенностей эволюции демографических структур и процессов в пореформенный и советский периоды, а также изучению социальной политики советской власти и демографических катастроф первой половины XX века. Наряду с обобщающими, концептуальными работами, одним из факторов появления которых стала «архивная революция» 1990-х годов [1—4], за последние десятилетия было подготовлено немало интересных исследований, посвященных истории населения отдельных макрорегионов или административных субъектов России [5—9]. Выявление особенностей трансформации процессов воспроизводства и изменений миграционного движения населения на уровне отдельных регионов страны, с учетом обширности российской территории, сложности ее социально-культурного и экономического пространства, исторического пути, имеет несомненное научное значение и непреходящую актуальность.

Демографическая история Калининградской области на сегодняшний день исследована весьма неравномерно. Формированию населения региона в первые послевоенные годы посвящен целый ряд научных работ, в которых реконструированы процессы заселения области советскими людьми, депортации немцев, а также основные тенденции социального развития второй половины 1940—1950-х годов. Несмотря на безусловное сохранение перспектив для дальнейших исследований именно данный период изучен наиболее полно [10—14]. За истекшие десять лет была создана основа для дальнейшей разработки истории социально-демографических процессов 1960—1980-х годов, обладающих устойчивой репутацией наименее изученного этапа областной истории [15; 16]. Миграционные и демографические процессы постсоветского периода, особенно первых десятилетий XXI века, неоднократно становились предметом внимания исследователей, преимущественно географов и социологов [17—20]. Для историков данная проблематика, как и «современная» история области в целом, всегда находилась на периферии научного поиска.

Анализ историко-демографической литературы свидетельствует о слабой включенности, а в большинстве случаев — о фактическом отсутствии материалов по истории населения Калининградской области в обобщающих и специальных работах, посвященных общегосударственным демографическим процессам XX века: регион обычно кратко упоминается только в контексте рассмотрения миграций второй половины 1940-х — начала 1950-х годов. Комплексная реконструкция социально-демографического прошлого самой западной из российских областей пока остается уделом будущего, полноценная история населения региона еще не написана.

Выполнение этой важной задачи возможно только в рамках междисциплинарного подхода. Формат статьи позволяет лишь наметить некоторые возможные контуры обобщенной исторической концепции одного из аспектов демографического прошлого области — трансформации процессов воспроизводства.

Цель статьи — выявить основные тенденции и специфику протекания процессов воспроизводства населения на территории области во второй половине XX — начале XXI века, определить возможность применения общероссийской модели демографического развития, сложившейся в современной историографии, для характеристики его регионального (калининградского) варианта. Статья основана на использовании как опубликованных статистических данных, так и архивных материалов, на применении элементов статистического анализа и историографического метода. Задача выявления тенденций демографического развития в регионе в исторической ретроспективе предполагает установление динамики основных со-

ставляющих воспроизводства населения — рождаемости и смертности, а также их структуры, использования соответствующих относительных показателей. Определение региональной специфики требует применения сравнительно-исторического подхода, сопоставления областных показателей и тенденций с общероссийскими, а также с показателями других, типологически близких регионов страны.

Теоретические аспекты исследования

При анализе и объяснении демографических процессов Новейшего времени широко применяется концепция демографического перехода (революции). Начало ее формирования обычно связывают с обобщениями А. Ландри и У. Томпсона, а решающий этап — с деятельностью Ф. Ноутстайна¹ и К. Дэвиса, впервые использовавшего в названии одной из своих статей термин «мировой демографический переход» [21; 22, с. 4—5]. Концепция, рождение которой пришлось на 1940-е годы, была нацелена на объяснение изменений в демографической динамике западных стран. В своем «классическом» виде она описывала процесс трансформации воспроизводства как последовательную смену четырех стадий: высоких рождаемости и смертности, резкого сокращения смертности при сохранении высокой рождаемости (и, соответственно, ускоренного роста численности населения), стабилизации показателей смертности и медленного сокращения рождаемости и, наконец, установления нового равновесия низкой смертности и сократившейся рождаемости. Позднее широкое распространение получила схема Д. Блэйкера, включавшая пять этапов, в том числе «фазу упадка» — переход к естественной убыли населения [22, с. 8]. Во второй половине 1960-х — 1970-е годы теоретический арсенал демографии был дополнен концепцией «эпидемиологического перехода» А. Омрана, направленной на объяснение процесса эволюции (модернизации) смертности. В рамках нового подхода движение к современной модели смертности рассматривалось как следствие перестройки системы причин смерти, патологической системы и возрастной структуры смертности [23, с. 177—179]. Анализу исторической роли миграционного фактора в глобальных процессах демографической трансформации были посвящены работы американского географа В. Зелинского, предложившего концепцию «перехода в мобильности» [24, р. 232—246]. Во второй половине 1980-х годов состоялось рождение концепции «второго демографического перехода», авторы которой (Р. Лестег и Д. Ван де Каа) объясняли падение уровня рождаемости ниже порога простого воспроизводства, наблюдавшееся в некоторых развитых странах, перестройкой системы ценностей, развитием толерантности к индивидуальному выбору жизненной стратегии, ослаблением связи между браком и деторождением [25, р. 4—8, 32—41; 26]. Оживленные дискуссии породила концепция «третьего демографического перехода» Д. Коулмена, сконцентрированная на процессе замещения коренного населения ряда европейских стран мигрантами с иным господствующим типом духовной культуры [27, с. 78; 28].

Особенности российского варианта демографического перехода в современной историографии

Концепция демографического перехода (революции), в разработку которой внесли свой вклад и отечественные исследователи [3; 29], активно используется в российской историографии при характеристике процессов социальной модернизации российского общества [2; 4; 30]. К особенностям процессов демографической трансформации российского общества обычно относят их более позднее, в сравнении со

¹ К 30-летию со дня смерти Фрэнка Ноутстайна, 2013, *Демоскоп Weekly*, № 575, URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0575/nauka01.php> (дата обращения: 15.07.2021).

странами Западной Европы, начало (рубеж XIX—XX веков), прерывной характер (следствие социальных катастроф первой половины XX века), ускоренное развитие в условиях деформации возрастно-половой структуры, длительное преобладание внешних (экзогенных) факторов эволюции демографических процессов. Специфика отечественного варианта заключалась также в большой длительности первой фазы «демографической революции» (снижение смертности при сохранении высокой рождаемости) вследствие «запаздывания» эпидемиологического перехода, начало которого неоднократно «срывалось» из-за разрушительных последствий мировых и гражданской войн, голода 1932—1933 годов и 1946—1947 годов, а также в ускоренном снижении рождаемости, которое разворачивалось «досрочно» и сокращало масштабы демографических компенсаций после очередной социальной катастрофы [6, с. 140—43; 30, с. 287—306]. Ускорение процесса перехода к новому относительному равновесию смертности и рождаемости исследователи относят к послевоенному периоду, а его завершение — к середине — второй половине 1970-х годов. К этому времени показатели рождаемости в России (РСФСР) приблизились к уровню простого воспроизводства населения, завершилась трансформация структуры смертности, произошел переход к преобладанию нукlearной семьи с 1—2 детьми. Социально-культурная модернизация советского общества и ослабление государственного контроля над сферой воспроизводства создавали предпосылки для дальнейших изменений, попытка объяснения которых была предпринята авторами концепции «второго демографического перехода». Старт нового этапа интенсивной эволюции системы воспроизводства, по мнению ряда исследователей, был прерван кризисом 1990-х годов [3, с. 539—541; 4, с. 219—223]. Наряду с процессами депопуляции и началом «контрацептивной революции» [31] последнее десятилетие XX века ознаменовалось превращением иммиграции в заметный фактор, противодействующий естественной убыли населения. По мере преодоления наиболее острых кризисных явлений в экономике, смены поколений, изменений в социальной политике и половозрастной структуре населения наметилось нарастание признаков перестройки процессов воспроизводства населения, некоторые из которых близки к описываемым концепцией второго демографического перехода [32; 33].

Имеющиеся в нашем распоряжении статистические данные и результаты проведенных ранее исследований позволяют предложить предварительное решение вопроса о соответствии калининградского регионального варианта демографического развития представленной выше историографической концепции.

Региональные факторы демографического развития Калининградской области в период ее становления

Демографическая ситуация на территории молодой российской области в первые послевоенные годы определялась интенсивными миграционными процессами и последствиями недавней войны. В результате массового переселения советских граждан и депортации оставшихся в регионе немцев здесь произошла полная смена населения, началось формирование нового социума с иной моделью репродуктивного и матримониального поведения.

Переселенческие потоки направлялись в область преимущественно из регионов российского Центра и Северо-Запада, а также Белорусской ССР [33, с. 133—140; 34]. Наличие несомненной специфики, связанной с культурными традициями и социально-экономической историей каждого из регионов выхода переселенцев, нивелировалось на новой земле смешанным расселением (несмотря на соблюдение в ряде случаев принципа землячества), интенсивными бытовыми контактами, институтами и механизмами советской государственно-политической системы и соответ-

ствующей экономической модели [35, с. 70—78]. Значительная часть переселенцев прибыла в край из регионов, сильно пострадавших от последствий боевых действий и оккупации в годы Великой Отечественной войны. Большинство прибывших происходило из областей и национальных автономий, глубоко вовлеченных в процессы демографической модернизации.

Миграционный прирост до середины 1950-х годов оставался основным фактором увеличения численности населения области, постепенно уступив первенство естественному [33, с. 90]², однако высокая подвижность населения была характерна для региона и в дальнейшем [36].

Важным последствием интенсивного заселения области стало формирование половозрастной структуры населения, которая, с одной стороны, несла в себе тяжелое наследие демографических катастроф первой половины XX века, обладала выраженными диспропорциями в наиболее пострадавших возрастных группах, с другой — отличалась от аналогичных структур регионов российского Центра и Северо-Запада значительно большей долей молодых поколений [37, с. 62, 63, 86, 87, 96, 97; 38, с. 233—245]. Кроме того, на территории области располагались многочисленные военные контингенты, временно находились десятки тысяч военнослужащих срочной службы из других регионов страны. Это создавало благоприятные условия для послевоенной демографической компенсации, замедляло старение населения и, при сохранении прежней модели воспроизводства, должно было способствовать сохранению высоких показателей рождаемости. Вместе с тем урбанизированный характер региона, высокая подвижность населения, интенсивные миграционные контакты города и села, значительная доля переселенцев из городов в структуре сельского населения края [33, с. 85—90], как и более высокий удельный вес молодежи, содействовали ускорению социокультурной модернизации и демографических перемен. Важным фактором этого процесса было становление в регионе системы советского здравоохранения, которое в условиях прогресса медицинской науки и практики середины XX века и курса на развитие массовой медицинской помощи и профилактики оказывало несомненное воздействие на процесс эпидемиологического перехода. К концу 1950-х годов область была одним из лидеров в РСФСР по показателям медицинского обеспечения населения [39, с. 32—35]³.

От послевоенной компенсации к демографической стабилизации

В период интенсивного заселения в области, как и по всей стране, наблюдалась демографическая компенсация — массовая реализация отложенных в военные годы рождений детей. Во второй половине 1940-х годов общие коэффициенты рождаемости (ОКР), несмотря на тяжелые последствия голода 1947 года, оставались высокими и значительно превышали как средние для РСФСР (рис. 1), так и характерные для регионов — доноров заселения края. Значительно выше среднероссийских были и общие коэффициенты брачности (20—24 заключения браков на 1000 человек населения)⁴. Компенсационный период в области, в силу относительно благоприятной возрастной структуры ее населения, оказался более длительным, чем в большинстве регионов страны, а его результаты — более заметными.

² Государственный архив Калининградской области (далее — ГАКО). Ф. 181. Оп. 15. Д. 487, Л. 1.

³ ГАКО. Ф. 233. Оп. 6. Д. 33, Л. 1—8; Ф. 233. Оп. 6. Д. 119. Л. 54—65.

⁴ Рассчитано по данным Областного управления статистики: ГАКО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 11. Л. 4; Оп. 3. Д. 3. Л. 65—67; Оп. 5. Д. 1, 2 об.; Д. 8. Л. 3, 3 об., 22, 22 об., 33, 33 об.; Оп. 7. Д. 3. Л. 4, 4 об.; Оп. 9. Д. 3. Л. 3 об.

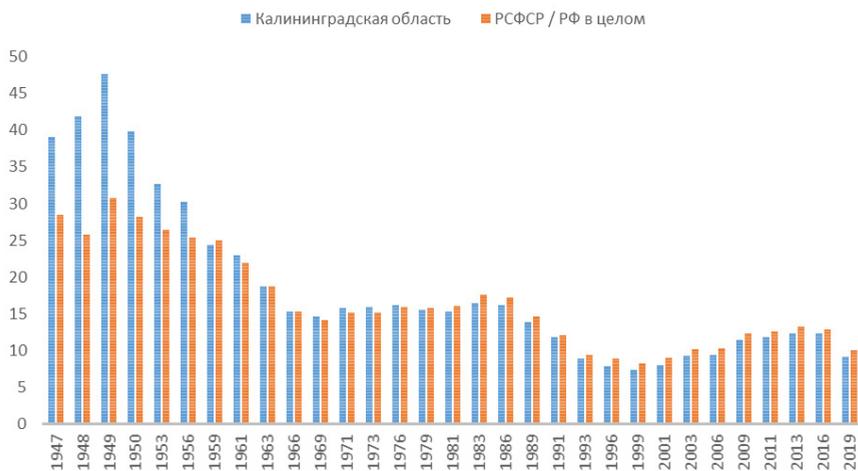

Рис. 1. Общие коэффициенты рождаемости в Калининградской области и РСФСР / Российской Федерации в 1947—2019 годах (родившихся на 1000 человек населения)

Источники: рассчитано по данным Областного управления статистики Калининградской области⁵, официальных статистических изданий⁶, материалов портала demoscop.ru⁷.

Однако в следующем десятилетии брачная активность населения области снизилась почти на 40 %, быстро сокращались и общие коэффициенты рождаемости (до 32 в 1955 году и до 22—23 в 1960—1961 годах). Специальный коэффициент рождаемости, рассчитанный для сельского населения, в 1958 году составлял всего 105 по сравнению с 172 в 1949 году⁸. Основными факторами этого процесса были завершение компенсационного периода и преобладание «городской» модели репродуктивного поведения в урбанизированной области. При этом как брачность, так и рождаемость сокращались быстрее, чем в среднем по РСФСР [40, с. 57—61; 41, с. 254]. Это могло быть следствием специфики возрастной структуры областного населения, которое во второй половине 1940-х — начале 1950-х годов пополнялось в основном молодыми людьми, пик брачной и репродуктивной активности которых (рождение первых и вторых детей) как раз и пришелся на период демографической компенсации [38, с. 241—245].

Значительно изменилась возрастная структура рождаемости. В 1950 году около 40 % всех рождений было зафиксировано у женщин в возрасте 20—24 лет, в том числе 52 % рождений первого ребенка (в 1959 году — 35 и 56,5 %); возрастной категории «25—29 лет» приписывалось 37,6 % рождений, в том числе 34,2 % — первого ребенка (в 1959 году — 28,8 и 23 %). Две категории женского населения, возрастные границы которых (20—29 лет) практически идентичны рубежам возраста максимальной плодовитости (20—30 лет), в сумме давали 78,6 % всех рождений в

⁵ Государственный архив Калининградской области. Ф. 181.

⁶ *Калининградская область в цифрах. 2015, 2016*, Калининград, т. 1, с. 42—45; *Калининградская область в цифрах. 2020, 2021*, Калининград, т. 1, с. 44—47.

⁷ Рождаемость, смертность и естественный прирост населения по субъектам Российской Федерации, 1970—2011, 2011—2018, 2018, *Демоскоп Weekly*, URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_reg_nat.php (дата обращения: 12.12.2021).

⁸ Расчеты выполнены по данным Областного управления статистики: ГАКО. Ф. 181. Оп. 12. Д. 281. Л. 2 об.; Оп. 15. Д. 59. Л. 1; Д. 145. Л. 1 об.; Д. 241. Л. 7; Д. 353. Л. 3; Оп. 3. Д. 2. Л. 3; Оп. 7. Д. 4. Л. 20; Оп. 15. Д. 242. Л. 2.

1950 году и 63,8 % — в 1959-м⁹. За десятилетие существенно возросла доля старших возрастных категорий (особенно 30—34-летних) в общей массе рождений. Одновременно рождаемость несколько «помолодела» — возросла доля первых детей, рождающихся у женщин в возрасте 16—24 лет, с одновременным уменьшением ее у 25—29-летних. Эти процессы вполне соответствовали как общероссийским тенденциям развития структуры рождаемости, так и тенденциям, характерным для средней полосы РСФСР.

В 1960-е годы, на фоне роста общей численности населения области уровень рождаемости продолжил снижение (ОКР сократился с 22 до 14,7 к концу десятилетия). Отчасти этот тренд объясняется сокращением доли населения в возрасте 20—35 лет, вносящей наибольший вклад в статистику рождаемости¹⁰. Однако низкий ОКР сохранился и в 1970-е годы, когда на демографическую «сцену» выступило многочисленное поколение периода послевоенной компенсации. Небольшой рост рождаемости в середине 1980-х (до 16,2 в 1986—1987 годах) уже в 1988 году сменился сокращением соответствующих показателей (12,6 в 1990 году)¹¹.

Свидетельством глубоких изменений в репродуктивном поведении жителей области является распространение практики регулирования рождаемости, которая в советский период отечественной истории выражалась преимущественно в виде искусственных абортов, стремительный рост числа которых отмечался после легализации аборта в 1955 году. Во второй половине 1950-х годов, когда в области родилось 83624 ребенка, медицинская статистика зафиксировала 166194 искусственных аборта, в том числе 41837 внебольничных¹². В контексте проблемы эволюции демографического поведения несомненный интерес представляют данные о внебрачной рождаемости. Если показатели второй половины 1940-х — начала 1950-х годов (свыше 20 % всех рождений) еще можно объяснить наличием половозрастных диспропорций, их снижение в 1950-е годы — преодолением диспропорций, то постепенный рост внебрачных рождений с конца 1950-х годов (до 20—23 % в 1970-е годы)¹³, происходивший на фоне быстрого увеличения числа зафиксированных прерываний беременности, скорее всего, свидетельствует о распространении неофициальных (фактических) браков среди представителей молодых поколений.

Наиболее отчетливо признаки демографического перехода проявились в снижении уровня смертности, общие коэффициенты которой (ОКС) в 1949—1960 годах сократились с 9,5 до 4,6 на 1000 человек населения. В городах, несмотря на непростую санитарную обстановку, этот процесс разворачивался быстрее. К началу 1960-х годов в регионе установился самый низкий уровень смертности за всю его послевоенную историю (рис. 2).

Наибольшее воздействие на прогрессивную динамику средних показателей оказало значительное снижение младенческой смертности — с 90—108 на 1000 новорожденных в первые годы истории области до 44—46 во второй половине 1950-х годов. Радикально изменилась возрастная структура смертности: доля детской сократилась с 58 до 25 %, возрастной категории «50 лет и старше» возросла с 15 до 44 %¹⁴. В 1950-е годы произошел переход к преобладанию эндогенных причин

⁹ Расчеты выполнены по данным Областного управления статистики: ГАКО. Ф. 181. Оп. 5. Д. 8. Л. 5, 7; Оп. 15. Д. 353. Л. 48.

¹⁰ Расчеты выполнены по данным Областного управления статистики: ГАКО. Ф. 181. Оп. 13. Д. 633. Л. 1, 2.

¹¹ Расчеты выполнены по данным Областного управления статистики: ГАКО. Ф. 181. Оп. 20. Д. 670. Л. 1—3; Д. 869. Л. 5, 6; Д. 1109. Л. 8; Д. 1703. Л. 9—12.

¹² ГАКО. Ф. 233. Оп. 6. Д. 7. Л. 24; Д. 14, Л. 15; Д. 119, Л. 54—60; Д. 165а, Л. 14; Д. 197, Л. 21.

¹³ ГАКО, Ф. 181. Оп. 3. Д. 3. Л. 7, 17; Оп. 5. Д. 1. Л. 7, 36, 59; Д. 8. Л. 6; Д. 241. Л. 4—16.

¹⁴ Расчеты выполнены по данным Областного управления статистики: ГАКО, Ф. 181. Оп. 7. Д. 3. Л. 4, 4 об.; Оп. 9. Д. 3. 3 об.; Д. 59. Л. 1; Д. 353. Л. 3.

общей смертности: наиболее распространенными причинами смерти стали заболевания системы кровообращения и новообразования. Кроме этого высокими оставались доли смертности от инфекционных заболеваний, травматизма и отравлений [42, с. 89—95]. Все эти изменения, соответствующие признакам эпидемиологического перехода, выделенным А. Омраном [22, с. 180—203], стали возможны благодаря фармакологическим прорывам в практической медицине, развертыванию на территории края полноценной системы медицинской помощи и профилактической работы, позитивным сдвигам в снабжении области медикаментами, успешному решению ряда актуальных санитарных задач. Вместе с тем темпы снижения заболеваемости и смертности по некоторым группам причин (например, от инфекционных заболеваний) в регионе отставали от показателей регионов российского Центра и Северо-Запада (Владимирской, Брянской, Новгородской и ряда других областей), что вызывало достаточно резкую реакцию республиканского Министерства здравоохранения.

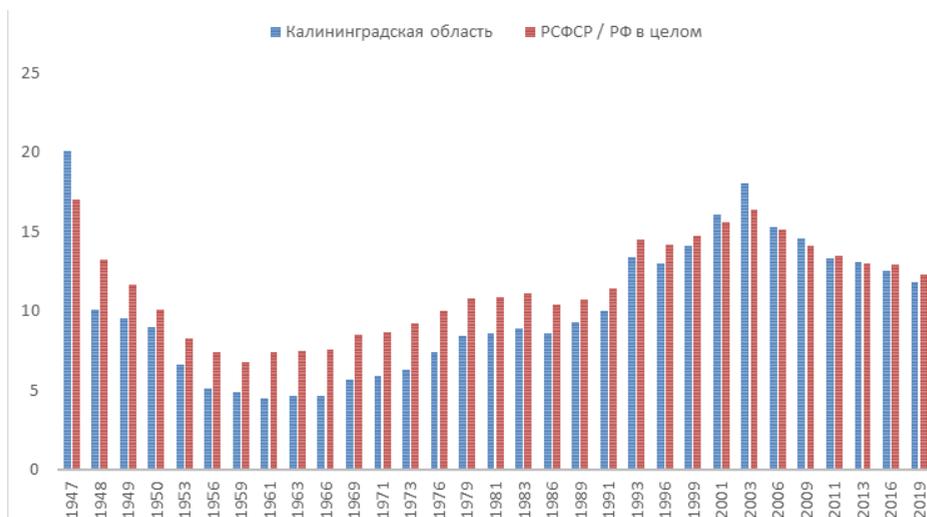

Рис. 2. Общие коэффициенты смертности в Калининградской области и РСФСР / Российской Федерации в 1947—2019 годах (умерших на 1000 человек населения)

Источники: данные Областного управления статистики Калининградской области, официальные статистические издания¹⁵, материалы портала demoscop.ru¹⁶.

В следующем десятилетии общие показатели смертности в регионе, вследствие изменений в возрастной структуре (демографического старения) несколько выросли (с 4,5 в 1961 году до 5,8 в 1970 году), «травматизм и несчастные случаи» переместились на второе место в рейтинге причин смерти, произошло значительное снижение младенческой смертности¹⁷.

Таким образом, в 1960-е годы в регионе завершился переход к новому равновесию относительно низкой смертности и низкой рождаемости, при этом ключевые, во многом радикальные перемены произошли в предыдущем десятилетии. Изме-

¹⁵ Калининградская область в цифрах. 2015, 2016, Калининград, 2016, т. 1, с. 42—45; Калининградская область в цифрах. 2020, 2021, Калининград, т. 1, с. 44—47.

¹⁶ Рождаемость, смертность и естественный прирост населения по субъектам Российской Федерации, 1970—2011, 2011—2018, 2018, *Демоскоп Weekly*, URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_reg_nat.php (дата обращения: 12.12.2021).

¹⁷ ГАКО. Оп. 13. Д. 633. Л. 1—3; Ф. 639. Оп. 1. Д. 40. Л. 32.

нилась возрастная структура смертности, в иерархии ее причин преобладание перешло к эндогенным факторам. Возобладал тренд на малодетность, широкое распространение получила практика внутрисемейного регулирования рождаемости. Наряду с заметным увеличением средней ожидаемой продолжительности жизни наметилось постепенное старение населения. Население края вступило в период непродолжительной демографической стабильности.

Сопоставление региональных процессов второй половины 1940—1960-х годов с общероссийскими демонстрирует наличие выраженной специфики самой западной российской области. Здесь более интенсивно и длительно протекали процессы послевоенной компенсации: показатели рождаемости на протяжении первого десятилетия существования Калининградской области существенно превосходили средние для РСФСР, общие коэффициенты рождаемости 1948—1950 годов были выше соответствующих показателей, характерных для регионов выхода переселенцев в довоенный период (нетипичное для российских областей и автономных республик явление). К концу 1950-х годов ОКР вплотную приблизились к среднероссийским, в то время как относительные показатели смертности в регионе с более благоприятной возрастной структурой населения сохранили своеобразие надолго. В рассматриваемый период в области, как и в других регионах РСФСР, произошли радикальные перемены в возрастной структуре смертности, изменилась иерархия ее причин. В то же время основные направления эволюции модели воспроизводства населения были аналогичны происходившим в тот же период в регионах средней полосы России.

Миграционный фактор и процессы демографического развития на рубеже веков

В 1970-е — первой половине 1980-х годов в области сохранялось относительное демографическое равновесие. Показатели рождаемости (ОКР) оставались в пределах 15—16, наблюдался медленный рост уровня смертности взрослого населения (ОКС, до 8,9 в 1985 года) при продолжении снижения детской смертности (рис. 1, 2). Среди причин смерти еще более возросла доля заболеваний системы кровообращения (преимущественно сердечных патологий) и новообразований¹⁸. В регионе сохранялся небольшой естественный прирост.

С конца 1980-х годов область вместе со всей страной вступает в преддверие демографического кризиса, активная фаза которого пришлась на 1990-е — начало 2000-х годов. В 1988—1991 годы ОКР в регионе сократился до 11,8, а в следующие пять лет — до 8,0, одновременно возросли общие коэффициенты смертности — с 8,7 (1987) до 10 (1991) и до 13,6 в 1995 году, с 1992 года в регионе фиксировался отрицательный естественный прирост населения (рис. 3)¹⁹. В иерархии причин смертности на второе место вновь выдвинулись «внешние» факторы — дорожно-транспортный и бытовой травматизм, убийства, отравления, суицид²⁰. Медленный рост относительных показателей рождаемости начался только с 2000—2002 годов, снижение смертности было зафиксировано статистикой только в 2006 году (рис. 2).

¹⁸ Расчеты выполнены по данным Областного управления статистики: ГАКО. Ф. 181. Оп. 20. Д. 670. Л. 1—3; Д. 869. Л. 5, 6; Д. 1703. Л. 9—12.

¹⁹ Расчеты выполнены по данным Областного управления статистики: ГАКО. Ф. 181. Оп. 20. Д. 670. Л. 1—3; Д. 869. Л. 5, 6; Д. 1703. Л. 9—12; *Демографический ежегодник Калининградской области*, 1998, Калининград, с. 8—14.

²⁰ *Демографический ежегодник Калининградской области*, 1998, Калининград, с. 45—48.

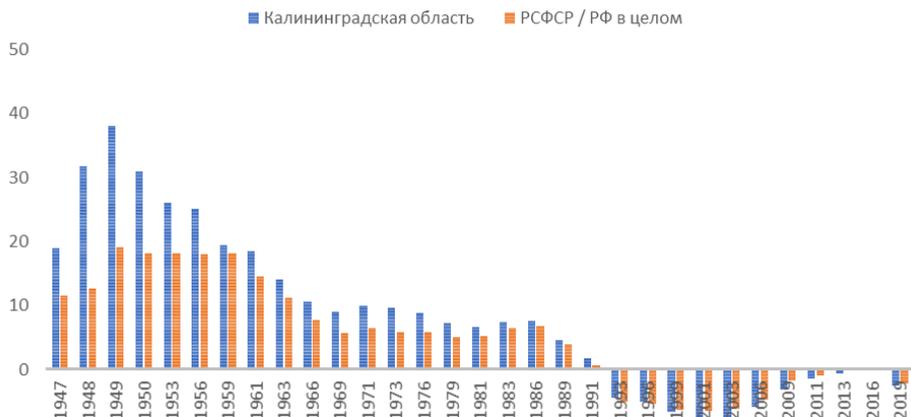

Рис. 3. Коэффициенты естественного прироста в Калининградской области и РСФСР / Российской Федерации в 1947—2019 годах

Источники: расчеты выполнены по данным Областного управления статистики Калининградской области²¹, материалам портала demoscop.ru²².

Ситуация 1990-х — начала 2000-х годов демонстрировала явные проявления демографического кризиса: суженное воспроизводство, временная перестройка ведущих причин смерти и заметный рост ее показателей дополнялись нарастанием кризиса официального брака, дестабилизацией семьи. Рассматривать региональную демографическую динамику этого периода как проявление «второго демографического перехода» (концепция Р. Лестега и Д. Ван де Каа), на наш взгляд, неправомерно: слишком значительным было воздействие неблагоприятных экономических факторов и противоречивой социально-культурной атмосферы первого десятилетия «новой российской истории» с его сложными процессами постсоветской трансформации, а также интенсивными иммиграционными процессами [43, с. 37—39].

В постсоветский период в условиях перехода к суженному воспроизводству населения значение притока мигрантов в сохранении и увеличении численности областного населения существенно возросло. В 1992—1999 годах на фоне роста смертности и естественной убыли население области росло за счет значительного притока мигрантов, преимущественно из ближнего зарубежья. В 1999—2009 годах миграционный прирост сократился, что вызвало снижение общей численности постоянного населения Калининградской области. С 2010 года регион вновь вступил в период демографического роста, важным фактором которого вновь стал приток иммигрантов. Самая западная область России во втором десятилетии XXI века превратилась в один из наиболее привлекательных для мигрантов регионов страны. С 2007 по 2018 год в область прибыло около 43 тыс. участников программы «Соотечественники» и членов их семей, миграционный прирост за тот же период составил около 82 тыс. человек: реализация программы позволила привлечь в регион около половины всех иммигрантов. Большинство соотечественников прибыли в область из Казахстана, Украины, Узбекистана и Киргизии, среди участников программы были жители Белоруссии, Литвы, Латвии, Эстонии, ФРГ и Израиля. Заметным явлением 2010-х годов стала студенческая иммиграция.

²¹ Государственный архив Калининградской области. Ф. 181.

²² Рождаемость, смертность и естественный прирост населения по субъектам Российской Федерации, 1970—2011, 2011—2018, 2018, *Демоскоп Weekly*, URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_reg_nat.php (дата обращения: 12.12.2021).

Интенсивный приток мигрантов совпал с позитивной тенденцией к увеличению рождаемости и, вероятно, придал ей дополнительный импульс. В 2001—2015 годах региональный ОКР возрос с 8 до 12,7 (рис. 1), после 2006 года наметился рост суммарного коэффициента рождаемости (рис. 4). В 2000-е и начале 2010-х годов естественный прирост в области был выше средних для страны показателей (рис. 3). Однако уровень рубежа 1980-х — 1990-х годов так и не был достигнут. С 2016 года возобладал тренд на сокращение рождаемости (ОКР снизился с 12,4 до 9,2 к 2019 году), значительно увеличился разрыв между областным и средним для России суммарным коэффициентом рождаемости.

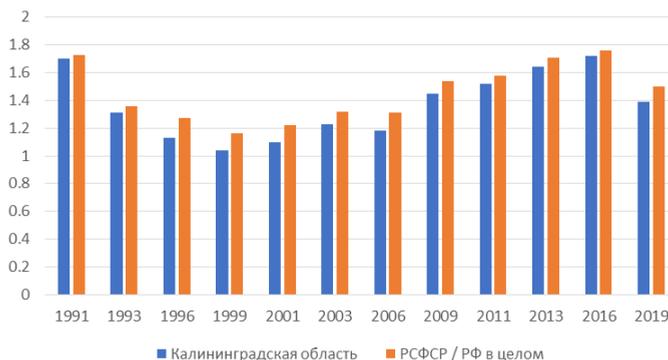

Рис. 4. Суммарные коэффициенты рождаемости в Калининградской области и РСФСР / Российской Федерации в 1991—2019 годах

Источники: материалы официальных статистических изданий²⁵, портала demoscop.ru²⁴.

В постсоветский период существенно изменились возрастные коэффициенты рождаемости: увеличился репродуктивный вклад женщин более старших возрастов, что соответствовало общероссийской тенденции (табл.).

Возрастные коэффициенты рождаемости населения Калининградской области / Российской Федерации (в целом) в 1991, 1999, 2006 и 2016 годах

Год	Число родившихся в среднем за год на 1000 женщин в возрасте						
	15—19	20—24	25—29	30—34	35—39	40—44	45—49
1991	57,1/54,2	144,7/145,9	75,7/82,7	43,7/41,5	16,5/16,5	3,7/3,7	0,3/0,2
1999	28,6/28,9	83,9/91,8	56,2/63,7	26,8/32,2	9,9/11,1	1,8/2,2	0,1/0,1
2006	25,8/28,6	75,5/85,8	71,3/78,2	43,3/46,8	17,5/18,7	3,1/3,1	0,2/0,1
2016	17,6/21,5	80,6/87,2	110,9/111,5	86,3/84,4	43,4/41,0	8,8/8,8	0,5/0,5

Источники: составлено на основе статистических данных официальных изданий²⁵, портала demoscop.ru²⁶.

²⁵ Калининградская область в цифрах. 2015, 2016, Калининград, т. 1, с. 42—45; Калининградская область в цифрах. 2020, 2021, Калининград, т. 1, с. 44—47.

²⁴ Рождаемость, смертность и естественный прирост населения по субъектам Российской Федерации, 1970—2011, 2011—2018, 2018, Демоскоп Weekly, URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_reg_nat.php (дата обращения: 12.12.2021).

²⁵ Демографический ежегодник России, 2008, М., с. 95—97; Калининградская область в цифрах. 2015, 2016, Калининград, т. 1, с. 42—45; Калининградская область в цифрах. 2020, 2021, Калининград, т. 1, с. 44—47.

²⁶ Рождаемость, смертность и естественный прирост населения по субъектам Российской Федерации, 1970—2011, 2011—2018, 2018, Демоскоп Weekly, URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_reg_nat.php (дата обращения: 12.12.2021).

При постепенном снижении уровня брачности средний возраст вступления в брак также имел выраженную тенденцию к повышению. Доля внебрачной рождаемости в данный период стабилизировалась до 18—19,5 % от общего числа рождений. В постсоветский период значительно сократилось количество прерываний беременности (абортов), до 50—57 на 100 рождений, что свидетельствует о произошедшей в регионе «контрацептивной революции».

Смертность в 2006—2018 годах на фоне продолжения процесса старения областного населения, социально-экономической стабилизации, реализации мер социальной поддержки снизилась с 16,5 до 11,8%²⁷. Вероятно, не последнюю роль в этом позитивном процессе сыграли половозрастные характеристики «новых переселенцев» в Калининградскую область, в том числе участников программы «Соотечественники».

Процессы демографического развития в Калининградской и Сахалинской областях: к постановке проблемы

Всестороннее исследование демографической истории самой западной российской области предполагает сопоставление региональных тенденций и показателей не только с общегосударственными (общенациональными), но и с характерными для других, типологически близких Калининградской области регионов. Среди последних нередко фигурирует Сахалинская область, в формировании населения которой важную роль сыграли переселенческие кампании и стихийная миграция послевоенных десятилетий. В то время как на территории молодой Калининградской области во второй половине 1940-х — начале 1950-х годов складывался новый социум, в Сахалинской области переселенцы интегрировались в уже существовавшую социально-демографическую среду (Северный Сахалин и до 1945 года принадлежал СССР). Власти Сахалинской области, как и Калининградской, столкнулись с проблемой массового оттока переселенцев («обратничества»), однако «на крайнем западе» страны он носил более интенсивный характер — вероятно, в силу наличия больших возможностей добраться до «малой родины» или переехать в более благоустроенный край [46, с. 98—101].

Значительные различия наблюдались в природно-географических условиях, экономической специализации областей, что оказывало заметное влияние на демографические характеристики населения. Например, сопоставление половозрастных структур, отраженных в материалах Всесоюзной переписи 1959 года, демонстрирует значительную близость Калининградской и Брянской областей (и вообще регионов российского Центра — доноров послевоенной миграции) и специфику Сахалинской. В последней численное соотношение мужчин и женщин даже в наиболее пострадавших в период войны возрастных группах было более благоприятным. При заселении дальневосточной области сельскохозяйственная миграция играла подчиненную роль в сравнении с переселением рыбаков и промышленных рабочих, что обусловило преимущественную вербовку мужчин в качестве переселенцев [39, с. 240—246]. Как и Калининградская область, Сахалинская относилась к весьма урбанизированным регионам РСФСР, причем снижение численности сельского населения в советский период здесь происходило более быстрыми темпами. Оба региона прошли через постепенное сокращение рождаемости. В постсоветский период численность населения Калининградской области за счет положительного сальдо миграции значительно увеличилась: с 881 тыс. человек в 1990 году до более чем 1 млн в 2019-м. К особенностям демографической ситуации в регионе

²⁷ Калининградская область в цифрах, 2016, Краткий статистический сборник, Калининград, с. 25—27; Калининградская область в цифрах, 2020, Статистический сборник. Калининград, т. 1, с. 39, 41, 128.

можно отнести рост численности сельского населения. Население Сахалинской области неуклонно сокращалась: за 1992—2018 годы регион потерял почти 230 тыс. жителей, почти треть постоянного населения. Примечательно, что в регионе в 2015—2017 годах был зафиксирован небольшой естественный прирост. Продолжительность жизни населения Сахалинской области, для которой характерен феномен преждевременного старения, является одной из самых низких в Российской Федерации, Калининградская область по данному показателю значительно опережает ее [47, с. 6—12; 48, с. 78—82].

Приведенные примеры показывают, что в демографической истории как Сахалинской, так и Калининградской областей в послевоенные десятилетия наблюдались признаки реализации общенациональных трендов смены типов воспроизводства населения, при этом каждый из регионов обладал значительной спецификой. Полноценное сравнение траекторий демографического развития двух «переселенческих» областей России требует специального комплексного исследования.

Выводы

Проведенное исследование позволяет выделить в демографической истории Калининградской области пять этапов. На первом (вторая половина 1940-х — начало 1950-х годов) в регионе произошла тотальная смена населения, развернулись мощные миграционные процессы, связанные как с переходом страны «на мирные рельсы» (демобилизация, репатриация), так и с интеграцией новой территории в социально-экономическое пространство СССР (плановое заселение края, миграция в города). Значительное воздействие на процессы воспроизводства в этот период оказывали половозрастные особенности переселенческих контингентов, высокая подвижность населения (стихийная миграция, «обратничество»), более продолжительная, чем в большинстве других регионов страны, послевоенная демографическая компенсация. Население края преимущественно формировалась за счет мигрантов из регионов российского Центра, Северо-Запада, а также Белорусской ССР, важным фактором социального развития области стал «трансфер» моделей демографического развития из регионов — доноров переселения. Для демографической ситуации в молодой области в данный период были характерны очень высокие показатели брачности, высокие — рождаемости и смертности, в структуре причин смерти доминировали инфекционные заболевания, травмы и другие экзогенные причины.

В середине 1950—1960-х годов значение миграционного фактора постепенно падало. Формирование населения региона в целом завершилось, однако миграционное взаимодействие Калининградской области с союзными республиками и другими регионами РСФСР, разумеется, сохранялось. Главное содержание второго этапа — глубокие изменения в модели воспроизводства населения. На фоне завершения послевоенной компенсации произошло значительное снижение рождаемости. Радикально сократились показатели детской (особенно младенческой) смертности. Существенно изменилась возрастная структура смертности, среди причин которой преобладание перешло к эндогенным факторам, выросла ожидаемая продолжительность жизни калининградцев, но одновременно стала заметной и тенденция к старению населения. Новое равновесие рождаемости и смертности установилось здесь раньше, чем в среднем по РСФСР. После выхода страны и области из «чрезвычайного режима» первых послевоенных лет демографическое развитие региона все больше напоминало картину, характерную для средней полосы РСФСР, с поправкой на более молодой средний возраст его населения и связанные с этим позитивные последствия (например, замедленное старение).

В 1970-е и большую часть 1980-х годов было время относительной стабильности в демографической истории области, своеобразное «затишье» как на фоне бурных

изменений предшествующего периода, так и по сравнению с кризисной ситуацией последующих лет. Несмотря на происходившее вследствие старения населения и накопления проблем в социальной сфере постепенное увеличение смертности, в регионе сохранялся устойчивый естественный прирост, главной предпосылкой которого были стабильные показатели рождаемости (постепенно все более уступающие средним для РСФСР). При этом уровень смертности в силу значительно более молодого среднего возраста населения здесь был заметно ниже средних как для РСФСР в целом, так и для российских регионов, сыгравших не так давно ведущую роль в заселении области (Брянской, Смоленской, Ленинградской и других).

С последних лет Перестройки (1989—1991) стартовал четвертый этап развития населения края, важнейшей чертой которого стал глубокий демографический кризис, проявившийся в быстром сокращении рождаемости, увеличении смертности как пожилых, так и молодежи, нарастании тенденций к депопуляции, которая в Калининградской области на рубеже веков была выражена сильнее, чем в большинстве российских регионов. В то же время российский эксклав на Балтике в «лихие девяностые» оказался привлекательным для мигрантов регионом: в условиях резкого «проседания» естественного прироста, выезда за пределы края части его жителей численность населения заметно выросла, что создавало определенные предпосылки для «выравнивания» ситуации в условиях более благоприятной экономической конъюнктуры и политической стабильности.

Постепенное преодоление наиболее явных проявлений демографического кризиса в 2000-е годы знаменовало собой начало следующего — пятого — этапа демографического развития края. Раньше всего обозначила себя тенденция к медленному росту рождаемости, тренд на повышение уровня смертности сменился ее медленным сокращением, после 2010 года область вновь стала одним из наиболее привлекательных для мигрантов регионов в России. В 2019 году коэффициент миграционного прироста (в расчете на 1000 жителей) достиг здесь 12,9 (при среднем по стране показателе 1,9). Однако преодолеть депопуляцию не удалось: естественный прирост в регионе оставался отрицательным. В преддверии начала пандемии COVID-19, в 2019 году, для области был характерен более низкий суммарный коэффициент рождаемости в сравнении со средним по стране (1,392 против 1,504), более высокая ожидаемая продолжительность жизни при рождении (73,56 против 73,34) и более низкий общий коэффициент смертности (11,8 против 12,3).

Таким образом, как было показано выше, процессы демографического развития в Калининградской области имели аналогичную направленность и разворачивались почти синхронно с изменениями общероссийского масштаба как в первые послевоенные десятилетия, так и в последующем. Следовательно, разработанная отечественными исследователями «идеальная модель» особенностей демографического развития России [2—4; 30] в целом применима для концептуализации фактического материала о развитии населения Калининградской области до конца XX века. При этом, за исключением начального этапа и с поправкой на более заметную роль миграционного фактора, траектория развития населения региона была наиболее близка к другим российским регионам «средней полосы».

Изложенные в статье наблюдения могут быть использованы при создании концепции социальной истории Калининградской области, а также при разработке проекта обширной программы компаративных исследований, целью которой будет выявление специфики демографического развития края в сравнении с типологически близкими (переселенческими) регионами, с регионами выхода переселенцев.

Работа выполнена с использованием средств государственного бюджета по госзадаче на 2021 год № 2249-21 «Реализация научно-исследовательских мероприятий по проблемам геополитики и исторической памяти на калининградском направлении».

Список литературы

1. Андреев, Е. М., Дарский, Л. Е., Харькова, Т. Л. 1998, *Демографическая история России: 1927—1959 гг.* М., Изд-во «Информатика».
2. Ю. А. Поляков (отв. ред.), 2000—2012, *Население России в XX в. Исторические очерки*, т. 1-3, М., Изд-во «Российская политическая энциклопедия».
3. Вишнеvский, А. Г. (ред.) 2006, *Демографическая модернизация России, 1900—2000*, М., Новое издательство.
4. Жиромская, В. Б. 2012, *Основные тенденции демографического развития России в XX веке*, М., Изд-во «Кучково поле».
5. *Демографическая история Западной Сибири (конец XIX—XX в.)*, 2017, Новосибирск, Изд-во НИЦ «Апостроф».
6. Исупов, В. А. 2020, История Западной Сибири в контексте демографической модернизации (1900—1950-е годы), *Исторический курьер*, № 1 (9), с. 140—153.
7. Канищев, В. В. 2020, Особенности миграционного движения сельского населения Тамбовской области в XX в. на личностном уровне, *Социально-экономические явления и процессы*, № 2 (109), с. 17—25.
8. Жуков, Д. С., Канищев, В. В., Лямин, С. К. 2020, Факторы демографических процессов в российском аграрном обществе второй половины XIX — конца XX в. (на материалах Тамбовского региона), *Историческая информатика*, № 3 (33), с. 89—102.
9. Жуков, Д. С., Канищев, В. В. 2019, “Если бы не было войны”: моделирование демографических процессов в российской деревне 1930—1950-х годов (по материалам Тамбовской области), *Вестник Пермского университета. История*, № 3 (46), с. 118—136.
10. Костяшов, Ю. В. 1996, Заселение Калининградской области после второй мировой войны, *Гуманитарная наука в России*, т. 2, М., с. 82—88.
11. Костяшов, Ю. В. 2005, Обратничество в процессе заселения Калининградской области в послевоенные годы, *Балтийский регион в истории России и Европы*, Калининград, с. 211—219.
12. Маслов, Е. А. 2002, Заселение Калининградской области и формирование религиозной структуры ее населения, *Балтийские исследования*, Калининград, с. 17—33.
13. Манкевич, Д. В. 2014, Смертность населения Калининградской области во второй половине 1940—1950-х годах, *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки*, № 6, с. 153—158.
14. Манкевич, Д. В. 2019, 1950-е годы в демографической истории Калининградской области, *Известия Смоленского государственного университета*, № 1 (45), с. 398—413.
15. Зимовина, Е. П. 2018, Калининградская область в 60—80-е годы XX века: особенности социально-демографического развития, *Калининградские архивы*, № 15, с. 93—107.
16. Манкевич, Д. В. 2017, О некоторых тенденциях демографического развития Калининградской области в период Перестройки, *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки*, № 1, Калининград, с. 23—28.
17. Емельянова, Л. Л. 2008, Место Калининградской области в миграционных процессах России и стран региона Балтийского моря, *Миграции и социально-экономическое развитие стран региона Балтийского моря*, материалы международной конференции, Калининград, с. 56—75.
18. Зимовина, Е. П. 2016, Демографические процессы в Калининградской области в постсоветский период, *Власть*, т. 24, № 10, с. 33—41.
19. Федоров, Г. М. 2017, О сценариях демографического развития Калининградской области, *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Естественные и медицинские науки*, № 3, с. 5—21.
20. Федоров, Г. М. 2018, Демографическая обстановка и демографическая безопасность в регионах западного побережья России, *Балтийский регион*, т. 10, № 3, с. 119—135. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-3-7>.
21. Notestein, F. W. 1945, *Population. The Long View. Food for the World*, Chicago Press, p. 35—57.
22. Вишнеvский, А. Г. 2017, Нерешенные вопросы теории демографической революции, *Население и экономика*, т. 1, № 1, с. 3—21.

23. Омран, А. Р. 2019, Теория эпидемиологического перехода: взгляд 30 лет спустя, *Демографическое обозрение*, т. 6, № 1, с. 177—216.
24. Zelinsky, W. 1971, The hypothesis of the mobility transition, *Geographical Review*, vol. 61, № 2, p. 219—249.
25. Van de Kaa, D. J. 1987, Europe's second demographic transition, *Population Bulletin*, vol. 42, № 1, p. 1—59.
26. Zaidi, B., Morgan, P. 2017, The second demographic Transition theory: A Review and Appraisal, *Annu Rev Sociol*, № 43, p. 473—492.
27. Ионцев, В. А., Прохорова, Ю. А. 2012, Формирование «нового населения» в свете концепции четвертого демографического перехода, *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, № 4, с. 75—87.
28. Коулмен, Д. 2007, Третий демографический переход, *Демоскоп Weekly*, URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0299/tema05.php> (дата обращения: 15.07.2021).
29. Вишневский, А. Г. 1976, *Демографическая революция*. М., Изд-во «Наука».
30. Жиромская, В. Б. 2009, *Жизненный потенциал послевоенных поколений в России. Историко-демографический аспект. 1946—1969*, М., Изд-во РГГУ.
31. Вишневский, А. Г., Денисов, Б. П., Сакевич, В. И. 2017, Контрацептивная революция в России, *Демографическое обозрение*, т. 4, № 1, с. 6—34.
32. Вишневский, А. Г. 2017, Великая малонаселенная держава, *Россия в глобальной политике*, т. 15, № 6, с. 30—49.
33. Ракша, А. И. 2016, Тенденции изменения рождаемости в Российской Федерации, *Аист на крыше. Демографический журнал*, № 1, с. 28—35.
34. Костяшов, Ю. В. 2009, *Секретная история Калининградской области. Очерки 1945—1956 гг.* Калининград, Изд-во «Терра Балтика».
35. Баранова, Е. В., Маслов, В. Н., 2021, Проблемы послевоенной крестьянской миграции в актах о прибытии переселенческих эшелонов в Калининградскую область, *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*, т. 26, № 190, с. 200—211.
36. Костяшов, Ю. В. 2000, О национальной структуре, этнографическом облике и социокультурной адаптации советских переселенцев в Калининградской области (1945—1950-гг.), *Национальные отношения в Новое и Новейшее время*, Калининград, с. 66—79.
37. Зимовина, Е. П. 2016, Миграционные процессы на территории Калининградской области в 1960—1980-е годы, *Калининградские архивы*, № 13, с. 111—124.
38. *Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР*, 1963, М., Госстатиздат.
39. Манкевич, Д. В. 2013, О численности и половозрастной структуре населения Калининградской области во второй половине 1940-х — 1950-х годах, *Калининградские архивы*, № 10, с. 233—247.
40. Манкевич, Д. В. 2016, Заболеваемость малярией в Калининградской области в первые послевоенные годы, *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки*, № 2, с. 32—36.
41. Араловец, Н. А. 2010, Брак и семья в РСФСР в послевоенные годы, *Российская история*, № 4, с. 55—62.
42. *Население России в XX в.: Исторические очерки. 1940—1959*, 2001, т. 2, М., Изд-во «Российская политическая энциклопедия».
43. Манкевич, Д. В. 2020, Признаки эпидемиологического перехода в демографической истории Калининградской области (вторая половина 1940-х — 1950-е годы), *Калининградские архивы*, № 17, с. 86—97.
44. Абылкаликов, С. И., Сазин, В. С. 2019, Основные итоги миграционных процессов в Калининградской области по данным переписей и микропереписей 1989—2015 годов, *Балтийский регион*, т. 11, № 2, с. 32—50. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-2-3>.
45. Захаров, С. В. 2012, Какой будет рождаемость в России? *«Демоскоп Weekly»*, URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0495/tema05.php> (дата обращения: 15.07.2021).
46. Крушанова, Л. А. 2014, *Миграционная политика СССР на Дальнем Востоке (середина 1940—1970-е годы)*, Владивосток, ИИАЭ ДВО РАН (ЗАМЕНИЛА)

47. Щеглов, В. В. 2019, *Опыт сахалинских переселений (1853–2002 гг.)*, Южно-Сахалинск, Сахалинский областной краеведческий музей.

48. Ворошилова, И. И., Сидоренко, М. А. 2011, Медико-демографические особенности старения населения Сахалинской области, *Тихоокеанский медицинский журнал*, № 2, с. 78–82.

Об авторе

Дмитрий Владимирович Манкевич, кандидат исторических наук, ведущий сотрудник Центра исследований исторической памяти, Балтийский федеральный университет, Калининград, Россия.

E-mail: DMankevich@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2983-1962>

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT PROCESSES IN THE HISTORY OF THE KALININGRAD REGION: NATIONAL TRENDS AND REGIONAL SPECIFICS

D. V. Mankevic

Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevski St., Kaliningrad, 236016, Russia

Received 10.09.2021
doi: 10.5922/2079-8555-2022-3-8
© Mankevic, D. V., 2022

This article aims to identify the main demographic development trends and features observed in the Kaliningrad region from a historical perspective and assess the extent to which the region's demographic development corresponds to the national model accepted in contemporary historiography. The empirical sources used in this study include demographic statistics from published and archival materials; theoretically, it draws on the concepts of demographic and epidemiological transitions. Analysis of statistics and historiography is employed along with the comparative historical method. The migration factor had the leading role in the emergence of the regional specifics of demographic development. Migrants from the regions of the USSR that were deeply involved in demographic modernisation before the war formed the resident population of the Kaliningrad region. The gender and age profile of the migrants ensured the prolonged post-war demographic compensation and secured fertility and marriage rates above the RSFSR average. The regional fertility rates converged towards the national average in the second half of the 1950s; from the late 1970s, the region had a fertility rate below the national average. Overall mortality rates remained significantly lower than the RSFSR average until the mid-1990s. The changes in the regional population replacement model that took place in the region during the Soviet period and at the turn of the 21st century generally corresponded to national trends. Therefore, the concept of Russian demographic development proposed by Russian researchers is directly applicable to the exclave of Kaliningrad.

Keywords:

demographic transition, Kaliningrad region, epidemiological transition, birth rate, mortality

To cite this article: Mankevic, D. V. 2022, Demographic development processes in the history of the Kaliningrad region: national trends and regional specifics, *Balt. Reg.*, Vol. 14, no 3, p. 145–164.
doi: 10.5922/2078-8555-2022-3-8.

References

1. Andreev, E. M., Darsky, L. E., Kharkova, T. L. 1998, *Demograficheskaya istoriya Rossii: 1927—1959 gg.* [Demographic history of Russia: 1927—1959], M., Publishing house “Informat-ics” (in Russ.).
2. Polyakov, Yu. A. (ed.) 2000—2012, *Naselenie Rossii v XX v. Istoricheskie ocherki* [Population of Russia in the XX century. Historical essays], vol. 1-3, M., Publishing House “Russian Political Encyclopedia” (in Russ.).
3. Vishnevskii, A. G. (ed.) 2006, *Demograficheskaya modernizatsiya Rossii, 1900—2000* [Demographic modernization of Russia, 1900—2000], M., New publishing house (in Russ.).
4. Zhyromskaya, V. B. 2012, *Osnovnye tendentsii demograficheskogo razvitiya Rossii v XX veke* [The main trends in the demographic development of Russia in the 20th century], M., Publishing house “Kuchkovo field” (in Russ.).
5. *Demograficheskaya istoriya Zapadnoi Sibiri (konets XIX—XX v.)* [Demographic history of Western Siberia (late XIX—XX centuries)] 2017, Novosibirsk, Publishing House of the Research Center “Apostrophe” (in Russ.).
6. Isupov, V. A. 2020, History of Western Siberia in the context of demographic modernization (1900—1950s), *Istoricheskii kur'er* [Historical courier], №1 (9), p. 140—153 (in Russ.).
7. Kanishchev, V. V. 2020, Features of the migration movement of the rural population of the Tambov region in the XX century. on a personal level, *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy* [Socio-economic phenomena and processes], №2 (109), p. 17—25 (in Russ.).
8. Zhukov, D. S., Kanishchev, V. V., Lyamin, S. K. 2020, Factors of demographic processes in the Russian agrarian society in the second half of the 19th — late 20th centuries. (on the materials of the Tambov region), *Istoricheskaya informatika* [Historical Informatics], №3 (33), p. 89—102 (in Russ.).
9. Zhukov, D. S., Kanishchev, V. V. 2019, “If there were no war”: modeling of demographic processes in the Russian village in the 1930—1950s (based on the materials of the Tambov region), *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of the Perm University. History], №3 (46), p. 118—136 (in Russ.).
10. Kostyashov, Yu. V. 1996, Settlement of the Kaliningrad region after the Second World War, *Gumanitarnaya nauka v Rossii* [Humanities in Russia], vol. 2, M., p. 82—88 (in Russ.).
11. Kostyashov, Yu. V. 2005, Returning in the process of settling the Kaliningrad region in the post-war years, *Baltiiskii region v istorii Rossii i Evropy* [The Baltic region in the history of Russia and Europe], Kaliningrad, p. 211—219 (in Russ.).
12. Maslov, E. A. 2002, Settlement of the Kaliningrad region and the formation of the religious structure of its population, *Baltiiskie issledovaniya* [Baltic Studies], Kaliningrad, p. 17—33 (in Russ.).
13. Mankevich, D. V. 2014, The mortality rate in the Kaliningrad region in the second half of the 1940s—1950s, *Vestnik IKBFU. Humanities and Social science*, №6, p. 153—158 (in Russ.).
14. Mankevich, D. V. 2019, 1950s in the demographic history of the Kaliningrad region, *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of the Smolensk State University], №1 (45), p. 398—413 (in Russ.).
15. Zimovina, E. P. 2018, Kaliningrad region in the 60s—80s of the XX century: features of socio-demographic development, *Kaliningradskie arkhivy* [Kaliningrad archives], №15, p. 93—107 (in Russ.).
16. Mankevich, D. V. 2017, On demographic development trends in the Kaliningrad region during Perestroika, *Vestnik IKBFU. Humanities and Social science*, №1, Калининград, p. 23—28 (in Russ.).
17. Emelyanova, L. L. 2008, Place of the Kaliningrad region in the migration processes of Russia and the countries of the Baltic Sea region, *Migratsii i sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie stran regiona Baltii-skogo morya* [Migration and socio-economic development of the countries of the Baltic Sea region], materials of the international conference, Kaliningrad, p. 56—75 (in Russ.).
18. Zimovina, E. P. 2016, Demographic processes in the Kaliningrad region in the post-Soviet period, *Vlast'* [Power], vol. 24, №10, p. 33—41 (in Russ.).
19. Fedorov, G. M. 2017, On scenarios for the demographic development of the Kaliningrad region, *Vestnik IKBFU. Natural and Medical sciences*, №3, p. 5—21 (in Russ.).

20. Fedorov, G.M. 2018, Demographic Situation and Demographic Security in the Regions of Russia's Western Borderlands, *Balt. Reg.*, vol. 10, №3, p. 119–135. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-3-7>.
21. Notestein, F.W. 1945, *Population. The Long View. Food for the World*, Chicago Press, p. 35–57.
22. Vishnevsky, A.G. 2017, Unresolved issues in the theory of the demographic revolution, *Naselenie i ekonomika* [Population and economy], vol. 1, №1, p. 3–21 (in Russ.).
23. Omran, A.R. 2019, Epidemiological Transition Theory: A View 30 Years Later, *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic overview], vol. 6, №1, p. 177–216 (in Russ.).
24. Zelinsky, W. 1971, The hypothesis of the mobility transition, *Geographical Review*, vol. 61, №2, p. 219–249.
25. Van de Kaa, D.J. 1987, Europe's second demographic transition, *Population Bulletin*, vol. 42, №1, p. 1–59.
26. Zaidi, B., Morgan, P. 2017, The second demographic Transition theory: A Review and Appraisal, *Annu Rev Sociol*, №43, p. 473–492.
27. Iontsev, V.A., Prokhorova, Yu. A. 2012, Formation of the “new population” in the light of the concept of the fourth demographic transition, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika* [Bulletin of Moscow University. Series 6. Economy], №4, p. 75–87 (in Russ.).
28. Coleman, D. 2007, The Third Demographic Transition, *Demoscope Weekly*, URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0299/tema05.php> (accessed 15.07.2021) (in Russ.).
29. Vishnevsky, A.G. 1976, *Demograficheskaya revolyutsiya* [Demographic revolution]. M., Publishing house “Science” (in Russ.).
30. Zhiromskaya, V.B. 2009, *Zhiznennyi potentsial poslevoennykh pokolenii v Rossii. Istoriiko-demograficheskii aspekt. 1946–1969* [Life potential of post-war generations in Russia. Historical and demographic aspect. 1946–1969], M., Publishing house of the Russian State University for the Humanities.
31. Vishnevsky, A.G., Denisov, B.P., Sakevich, V.I. 2017, Contraceptive revolution in Russia, *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic overview], vol. 4, №1, p. 6–34 (in Russ.).
32. Vishnevsky, A.G. 2017, Great Small Power, *Rossiia v global'noi politike* [Russia in global politics], vol. 15, №6, p. 30–49 (in Russ.).
- Raksha, A.I. 2016, Trends in fertility in the Russian Federation, *Aist na kryshe. Demograficheskii zhurnal* [Stork on the roof. demographic journal], №1, p. 28–35 (in Russ.).
33. Kostyashov, Yu.V. 2009, *Sekretnaya istoriya Kaliningradskoi oblasti. Ocherki 1945–1956 gg.* [Secret history of the Kaliningrad region. Essays 1945–1956], Kaliningrad, Publishing House “Terra Baltica” (in Russ.).
34. Baranova, E.V., Maslov, V.N. 2021, Problems of post-war peasant migration in acts on the arrival of resettlement echelons in the Kaliningrad region, *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities], vol. 26, №190, p. 200–211 (in Russ.).
35. Kostyashov, Yu. V. 2000, On the national structure, ethnographic appearance and socio-cultural adaptation of Soviet settlers in the Kaliningrad region (1945–1950), *Natsional'nye otnosheniya v Novoe i Noveishee vremya* [National relations in modern and modern times], Kaliningrad, p. 66–79 (in Russ.).
36. Zimovina, E.P. 2016, Migration processes on the territory of the Kaliningrad region in the 1960s–1980s, *Kaliningradskie arkhivy* [Kaliningrad archives], №13, p. 111–124 (in Russ.).
37. Results of the All-Union Population Census of 1959, RSFSR, 1963, M., Gosstatizdat (in Russ.).
38. Mankevich, D.V. 2013, On the size and age and sex structure of the population of the Kaliningrad region in the second half of the 1940s–1950s, *Kaliningradskie arkhivy* [Kaliningrad archives], №10, p. 233–247 (in Russ.).
39. Mankevich, D.V. 2016, The incidence of malaria in the Kaliningrad region in the first post-war years, *Vestnik IKBFU. Humanities and Social science*, №2, p. 32–36 (in Russ.).

40. Aralovets, N. A. 2010, Marriage and family in the RSFSR in the post-war years, *Rossiiskaya istoriya* [Russian history], № 4, p. 55—62 (in Russ.).
41. *Naselenie Rossii v XX v.: Istoricheskie ocherki. 1940—1959* [The population of Russia in the XX century: Historical essays. 1940—1959], 2001, vol. 2, M., Publishing house “Russian political encyclopedia” (in Russ.).
42. Mankevich, D. V. 2020, Signs of the epidemiological transition in the demographic history of the Kaliningrad region (second half of the 1940s—1950s), *Kaliningradskie arkhivy* [Kaliningrad archives], № 17, p. 86—97 (in Russ.).
43. Abylkalikov, S. I., Sazin, V. S. 2019, Migration in the Kaliningrad region reflected in the 1989—2015 censuses and microcensuses, *Balt. Reg.*, vol. 11, № 2, p. 32—50. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-2-3>.
44. Zakharov, S. V. 2012, What will be the birth rate in Russia? *Demoscope Weekly*, URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0495/tema05.php> (accessed 15.07.2021) (in Russ.).
45. Krushanova, L. A. 2007, *Migration Policy in the Far East of the USSR (mid-1940s—1970s)*, Vladivostok, IHAЕ FEBRAS (in Russ.).
46. Shcheglov, V. V. 2019, *Opyt sakhalinskikh pereselenii (1853—2002 gg.)* [Experience of Sakhalin resettlements (1853—2002)], Yuzhno-Sakhalinsk, Sakhalin Regional Museum of Local Lore (in Russ.).
47. Voroshilova, I. I., Sidorenko, M. A. 2011, Medical and demographic features of the aging population of the Sakhalin region, *Tikhookeanskii meditsinskii zhurnal*, [Pacific Medical Journal], № 2, p. 78—82 (in Russ.).

The author

Dr. Dmitrii V. Mankevich, Senior Research Fellow, Centre for the Study of Historical Memory, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: DMankevich@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2983-1962>

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))